

шку, закрыл глаза и представил, что воздух держит его. Так, как умела Майя. Эти два ощущения смешались во что-то вкусное и безвкусное, удивительное и непонятное, как осенняя клубника.

– Лечу! – сказал он...

Женщина пожала плечами и поправила одеяло. Это был секрет только его и Майи.

Он ждал утра. Того, до которого они попрощались. Кусочек неба светлел, там исчезали звёзды, превращаясь в самолёты.

¹ инвалидная коляска.

² хаматенша (хаматен) – социальный работник по уходу за больными и пожилыми людьми в США.

³ метро.

⁴ Осторожно, двери закрываются! (пер. с англ.).

МАРИНА СЫЧЁВА

Рыбница

ВСЁ УДЕРЖАТЬ В СЕКРЕТЕ

***

Жёлтым карандашом фраза из трёх слов.
 Было бы хорошо не ворошить основ
 и не менять суть, смыслы хранить, но
 это не наш путь (и не про нас кино).
 Мы – по губу в грязь, через великий труд
 выползем, чтоб смеясь вспомнить, как был крут
 выбор «идти назло и вопреки всему».
 Эвоно, как свезло – живы мы! Никому
 не разгадать о чём наша мольба в борьбе...
 Жёлтым карандашом: «не изменяй себе».

ДЕВОЧКА С ФОТОГРАФИИ

Старые фотографии в потёртых, крашенных рамках:
 устало-хмурые лица, смотрящие только прямо,
 в глазах напускная серьёзность, и девочка в сером платье
 строго сжимает губки, в своё грядущее глядя.
 Девочка верит, что «партия счастье дарит детям»,
 и в то, что сильнее папы нет никого на свете...
 Ещё она точно помнит все самые важные даты:
 семейные именины и дни, когда есть парады.
 Ей нравится праздник ёлки, вернее, его ожиданье,
 где разноцветных игрушек и серпантина сверканье,
 и запах смолистой ели в бликах огней неярких,
 и Дед Мороз шоколадный в шуршащем фольгой, подарке.

Потом – прикоснётся время к прядям её косичек,
а воспоминания детства заполнятся сыпью кавычек.
Исчезнет союз республик вместе с «огромной дружбой»
и то, что казалось главным, окажется вдруг не нужным.
Осыпается «твёрдая вера» пылью на транспаранты,
и люди легко забудут громоздкие фолианты
о «направляющей силе», о «руководстве сверху»,
боровшиеся с капитализмом, вызовут к бою перхоть.
Изменяется мода, флаги, газеты, телепрограммы.
Однажды, по телефону страшная весть от мамы
сердце сожмет до боли: «Папы не стало. Утром».
... Девочка в сером платье, куда же ты смотришь хмуро?

ГАЙКИ

1.

Тихие, тихие люди в соседнем живут подъезде,
носят старые куртки, на «фордике» старом ездят,
совсем не бывают в салонах, не пользуются парфюмом,
идут по утрам на службу размашисто и угрюмо.
А в праздник с бутылкой пива под горстку солёной кильки
листают телепрограммы: события, Алки, Фильки,
слухи, кинопроекты, концерты, футбол, готовка,
хмельной разговор о работе, в которой «нужна сноровка,
нужен особый разум, чутьё с непростым подходом».
Тихие, тихие люди – безвольные гайки завода.

2.

Однажды проектировщик чертил эталоны гаск,
различные виды креплений (открытые и с потаем).
Под ключ – она «шестигранна», любой закрутит, кто хочет.
Системная, суть, «кузовная», чей статус и тонок, и точен.
Вот «гайка-барашек» доступна и временна (так уж назвали).
И много ещё – «нажимная», «квадратная», чтобы вращали
Болты, где она, не сдвигаясь, станет надёжнее спайки
(О, как же гордятся собою эти серьёзные гайки!)
А тихие, тихие люди угрюмо идут на работу,
И ждут, как всегда, зарплату и маются по субботам...

БЕГ

Воронье кони,
чёрные хвосты,
воздухом погони
задохнулся ты.
Воздухом погони,
вихрями дорог,
слышишь, ветер стонет
на разметках строк.

Слышишь, рвутся струны?
 Бегу нет конца.
 На пороге лунном
 контуры лица.
 И от звёзд дрожащих
 знаки на ладонь –
 в сумраке обрящешь
 таинства огонь.
 В сумраке холодном
 выбора печать:
 цепи иль свобода,
 солнце иль свеча.

Рассекает воздух вороняя стать.
 ... Что ж ты выбираешь в табуне бежать?

ЗАМКИ

Дворец или хижина. Знаешь,
 всё превращается в замок,
 когда тишину листаешь
 под бликами звёзд-булавок,
 когда вместо неба омут
 суетно-вязких мыслей
 и мелочь любая знакома
 в шатком укладе жизни.
 И видишь безделиц груду
 заполонившую годы –
 игрушки, бельё, посуда,
 машина, квартира, мода...
 Миф о финансах. Впрочем,
 и бедные, и богачи
 каждой холодной ночью
 пустячки замки лелеют.

ПРЕДМЕСТЬЕ

Эти дома и люди,
 эти ночные бденья,
 словно сливовый студень
 синего настроенья.
 Эти глаза пустые,
 шляпы, плащи, котомки.
 Кто-то вздохнул: «Живые»,
 и выругался негромко.
 Кто-то ещё крестился,
 нервно дрожа перстами,
 лунный мотив струился
 шафрановыми листами.
 И обгонял прохожих
 ещё не рождённый ветер.
 И становилось, Боже,
 чище на целом свете.

И становилось легче
ультрамариновым душам.
А кованый семисвечник
тайны чужие слушал,
капая мутным воском
на тех, кто держался вместе.
...Слыли нелепым войском
жители тех предместий.

***

Переболеть не успела
и не сумела понять
как у мучительно белой
чёрную память отнять,
вырезать лезвием слова,
вырвать до запятой.
Падаю снова и снова
пылью на век ледяной,
сажею ветрено-чёрной
в тёплое молоко
падаю обречённо
и смешиваюсь легко.

***

*...II полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
II дольше века длится день,
II не кончается объятье.*

Борис Пастернак «Единственные дни»

Как безразлична тишина,
живущая в часах песочных.
Ни благочестье, ни вина,
ни святость дев, ни их порочность –
ничто не может повлиять
на глухоту песка. Напрасно
я поворачиваю вспять,
в ту зиму, где закатом красным
пылал холодный горизонт.
Пустые дни солнцеворота
как будто завершали год.
За понедельником суббота
вдруг приходила не спеша,
и дни терялись в сонной стуже.
Ночами плакала душа,
не ведая, кому кто нужен.
Дороги ледяной корой
мерцали в свете полусонном,
брели прохожие домой.
И одинокою, бездомной

Любовь стояла на пути.
 Часов песочных безучастье
 ещё могло их развести,
 но вера в призрачное счастье
 толкала путников туда,
 где дольше века день струится.
 И каждый понимал: зима,
 как и объятие, прекратится...

***

Не лезь в мои сумерки, не дыши словами,
 не рифмуй пространство между нами,
 не ищи плоскости совпадений,
 точек, граней и направлений,
 сфер интересов, географии проживания,
 статуса, вкусов... Это мироздание
 не терпит вторжений иного порядка.
 ...просто скажи, что я психопатка,
 инфантильна и не достойна любви...
 Просто пока без меня живи.

***

Благовари судьбу, что листопад
 тебе не интересен – всё вторично –
 и дождь танцующий привычно
 на крыльях умерших цикад,
 и ветер, рвущий облака
 на лоскуты из серой ваты,
 и то, что нам с тобой возврата
 не вымолить. Издалека
 приходит дрожь осенних дней,
 туман перерастает в морок.
 И миг разлуки слишком дорог
 циничной мудрости твоей.

Молчания скупая тень
 едва скользит волной по лицам,
 двум одиночествам случиться
 настало время. Осень... День,
 пропитый желтизной разлук,
 мучительно прилип к дороге.
 Скулит нечаянно-убогий
 разорванного счастья звук.
 Вторично всё. Лишь си-минор
 дырявит скомканые нервы.
 Любой из нас уходит первым,
 а души – вместе до сих пор.

ГОВОРИТЬ НЕ БУДЕМ

Мои вчерашние глупости
спрятаны за подкладку.
Прошлое, отпусти
девочку-верхоглядку.

Действие номер два
в странном театре судеб:
свергнуты все слова,
и говорить не будем.

Вышит стихов кувшин –
нынче день прост и светел,
а под ворчание шин
в рифму играет ветер.

Кто-то спросить забыл,
кто-то не смог ответить,
только б хватило сил
всё удержать в секрете.

НАТАЛЬЯ РОДИНА

Кишинёв

СЛЕЗА ЛУНЫ

рассказ

*...и приведи на небо все души, особенно те,
которые более всего нуждаются в Твоём ми-
лосердии.*

(из молитвы Венчика Божьего Милосердия)

– Опять? Что за хрень? Годами одно и то же! – Катерина возвращалась домой, грызя губы и злобно сверля глазами асфальт. Кокошить ненавистью ни в чём не повинных граждан нельзя, но, ох, как хотелось реветь в голос, орать от обиды и крушить всё вокруг.

– Катитесь вы все! Нехай! Уволюсь! Наглую пацанку, лядашую, нерадивую, безграмотную отправляют на курсы повышения квалификации, а меня, отбарабанившую три года, оставляют батрачить!

Она рискнула. Она подошла к директрисе. Она задала вопрос, который не даёт ей покоя много лет, верит ли та в торжество справедливости. И, кто бы сомневался, она ответила:

– Да. Но кто же будет работать? Кто, если не вы?

(Катя пересекла площадь, не испытывая приязни к пустому троллейбусу и свободному месту).

Она набралась храбрости, продолжая верить, что это дешёвый развод, спросила:

– Почему, скажите. Почему справедливость заканчивается на мне? Согласитесь, я заслужила пойти на курсы!

– Да, вы. Но без вас здесь всё развалится.

– У неё стаж работы четыре месяца, из них две недели за свой счёт и месяц в счёт будущего отпуска!

– Зверева, посмотрите на ситуацию с юмором!

– Похочоchem, как глупцы командуют умными, и те обязаны им подчиняться!

– Прекратите! Возвращайтесь на рабочее место. Дискуссия окончена!

Катерина поджала губы:

– Где ты, сказочник-враль, со своей шавкой-видимкой, сапогами-скородрыгами, дырявым ковром-са-